

Иван Носков

**Амурский край в
коммерческом,
промышленном и
хозяйственном отношениях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И17

И17 **Иван Носков**
Амурский край в коммерческом, промышленном и хозяйственном отношении / Иван Носков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 64 с.

ISBN 978-5-518-09293-8

ISBN 978-5-518-09293-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вотъ эту-то обширную равнину и видѣлъ С. В. Максимовъ съ Хабаровской горы, что при устьѣ Усуры, — и привѣтствовалъ её: «широко то ты матушка раскинулась»; а на дѣлѣ-то выходить, что лучше бы было, если бы она не такъ широко раскинулась, а была бы по возвышеннѣе, и народъ бы на ней сталъ селиться, и хлѣбецъ бы родился.

Устье рѣки Усуры находится отъ Стрѣлки въ 1700 верстахъ, отъ Благовѣщенска въ 880 верстахъ, до устья же Амура или Николаевска остается 900 верстъ; такимъ образомъ, протяженіе собственно Амура нужно считать въ 2600 верстъ.

Отъ устья Усуры государственная граница идетъ вверхъ по этой рѣкѣ; правый берегъ принадлежитъ намъ, а лѣвый Китайцамъ. Здѣсь преимущество оказывается, также какъ и по Амуру, въ пользу праваго, нашего уже берега: ибо горы ближе подходятъ къ этому берегу, оставляя вездѣ увалы и возвышенныя мѣста — удобныя къ заселенію, — открывая въ то же время въ падяхъ и зланияхъ огромныя пространства для хлѣбопашества. Рѣка Усура беретъ свое начало отъ нѣсколькихъ притоковъ; вытекающихъ изъ горъ, отдѣляющихъ къ Юго-востоку Усурійскую долину отъ береговъ Восточнаго Океана. Но государственная граница верстахъ въ 400-хъ отъ устья Усуры поворачиваетъ въ право и идетъ по рѣкѣ Сунгачѣ, вытекающей изъ озера Ханкай или Ханка, и впадающей въ Усуру съ лѣвой стороны по ея теченію. Рѣка Сунгача во многихъ мѣстахъ не шире 20 сажень, но весьма глубокая; глубину ея опредѣляютъ отъ 2-хъ до 4-хъ сажень. Протяженіе Сунгачи, если считать по прямой линіи или сухопутно, будетъ не болѣе 100 верстъ, но по извилистому ея руслу будетъ почти втрое, т. е. до 270 верстъ; впрочемъ, есть по ней такіе кривуны, которые, имѣя отъ 3 до 5 верстъ окружности, оставляютъ прямые перешейки въ 20 или 30 сажень, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, во время полноводья, даже промыты и образовали уже прямыя русла. Здѣсь безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что устройство этой рѣки немного потребуетъ труда, чтобы сдѣлать изъ нее прямой судоходный каналъ. При выходѣ же Сунгачи изъ озера существуетъ Баръ, имѣющій въ малую воду отъ 3-хъ до 5 футовъ глубины.

Озеро Ханкай имѣетъ почти круглую форму съ небольшимъ только въ вершинѣ его заливомъ. Протяженіе озера можно положить до 200 верстъ, если считать отъ истока Сунгачи

правымъ берегомъ озера до конца верхняго залива или до впаденія въ него рѣки Лифы. Ширину озера передъ заливомъ, полагають до 40 верстѣ. Глубина его говорятъ изслѣдована и оказалась весьма удовлетворительной, — общее же стояніе въ немъ воды опредѣляютъ не менѣе 18 футовъ. Но всего важнѣе, это близость разстоянія озера отъ рѣки Суйфунъ, впадающей въ Восточный Океанъ близъ нашего поста Владивостокъ: если пройти отъ устья Лифы по довольно — пологимъ безлѣснымъ уваламъ, чрезъ небольшой водораздѣльный перешеекъ, къ берегу Суйфу напротивъ его локтя, гдѣ онъ круто поворачиваетъ, и пройдя 80 верстѣ, впадаетъ въ море, то все это сухопутное разстояніе, или, какъ говорятъ, *волокъ не будетъ больше 80 верстѣ*. Во время же полноводья, если пройти въ небольшой лодкѣ по рѣчкѣ Лифуга, впадающей въ Лифу при ея устьѣ; то перевалъ чрезъ пологіи перешеекъ въ такую же небольшую рѣчку, впадающую въ Суйфунъ противу его локтя, не составитъ болѣе 15 верстѣ. Вотъ и здѣсь представляется возможность къ проведенію канала.

Граница же Россіи идетъ не по этому направленію; она проведена отъ истока Сунгачи правымъ берегомъ озера на 90 верстѣ и здѣсь при урочищѣ Турій рогъ, круто поворачиваетъ въ право на Югъ, — сначала по рѣчкѣ Туръ, потомъ по невысокимъ горамъ проходитъ въ вершину рѣки Муринъ, впадающей въ рѣку Усуру ниже устья Сунгачи въ 70 верстахъ. Вывершивъ рѣку Муринъ, граница идетъ уже по хребту горъ раздѣляющихъ воды, текуція въ Суйфунъ въ нашей сторонѣ и въ рѣчку Хунцунъ, впадающую въ рѣку Тюмендзя въ манжурской сторонѣ. Послѣдній же пограничный столбъ поставленъ по окончаніи хребта горъ на отдѣльной сопкѣ при рѣкѣ Тюмендзя, ввиду перваго въ этой сторонѣ Корейскаго города. Далѣе, рѣка эта, по выходѣ изъ горъ, течетъ по равнинѣ и въ 40 верстахъ отъ нашего пограничнаго столба, впадаетъ въ Восточный Океанъ, образуя на этомъ пространствѣ живую межу между нашими и Корейскими уже владѣніями, открывая въ тоже время полную возможность начать намъ непосредственныя сношенія съ *Корейцами*.

Такимъ образомъ, чрезъ пріобрѣтеніе Усурійскаго края и направленіе государственной грани къ границамъ Кореи, мы пріобрѣли 1), часть праваго, болѣе возвышеннаго и удобнаго къ заселенію, берега Амура, до впаденія его въ море, на 900

версть, что весьма важно по низменности лѣваго берега, оказавшагося ниже Хишъ-гана и 2). Все громадное пространство земли, начиная отъ устья Амура до Корейскаго полуострова, съ важными по своимъ удобствамъ и мѣстоположенію Южными портами Восточнаго Океана, какъ напримѣръ: Пасъеть или Новгородская гавань, Брюссовская бухта или Славянскъ; портъ Мэй или Владивостокъ, бухта св. Ольги и другіе. Всё это пространство, кромѣ Пасъета, изобилуетъ великолѣпными лѣсами, здѣсь вы повсюду встрѣтите: дубъ, ясень, кленъ, ильму, липу черную березу, орѣховое, красное и пробковое дерево, не говоря о другихъ особенно хвойныхъ, вѣковыхъ, обильныхъ лѣсахъ: кедры, сосны, ели и лиственни. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, кромѣ устья Амура и залива Де-Кастри, какъ лежащихъ ближе къ сѣверу, климатъ теплый, всегда умѣренный, земля благодатная, растительность сильная, что доказывается всегдашними и обильными урожаями хлѣба по Усурѣ и на Китайскихъ Финзахъ или фермахъ, разбросанныхъ на этомъ пространствѣ. Да, здѣсь кстати будетъ сказать, что пріобрѣтеніемъ Усурійскаго края и всего описаннаго выше пространства, вполне выкупаются и тѣ неудобства, къ заселенію Амура, какія оказались ниже малаго Хишгана и всѣ жертвы, какія принесены въ пользу пріобрѣтенія или присоединенія къ Россіи Амурскаго Края.

II.

ПРІОБРѢТЕНІЕ АМУРА.

Кто не думалъ, или вѣрило, кто изъ жителей Восточной Сибири не говорилъ объ Амурѣ; кто не желалъ возвратити его Россіи, какъ страну невѣдомую, обѣтованную и такъ близко лежащую, оставившую въ народѣ одно лишь воспоминаніе объ Албазинѣ и о геройскихъ подвигахъ горсти русскихъ удалцевъ, открывшихъ и занявшихъ эту страну, потомъ утратившихъ её по безсильному нашему положенію и уведенныхъ въ неволю, гдѣ они до того обжились, окитаелись и переродились, что у нихъ измѣнился самый типъ русскаго человѣка. Преданіе о завоеваніи Амура переходило отъ одного поколѣнія къ другому и стало по немногу замирать, — вслѣдствіе Албазинскаго разгрома и несчастнаго потомъ Нерчинскаго договора, подписаннаго подъ вліяніемъ громадой, по тогдашнему времени, силы

Китай, окружившей нашихъ представителей я ничтожное ихъ прикрытіе. Мы должны были скрыть не только Албазинъ, но и Аргунскій островъ, какъ вѣковой знакъ, дающій намъ право на владѣніе не только лѣвымъ берегомъ Амура, но и правой его стороною, которая навѣрное осталась бы въ нашемъ владѣніи, если бы государственную грань повели тогда отъ этого Острога, какъ пункта завладѣнія, поставленнаго на правомъ берегу Аргуни, крайняго, къ Китаю притока, впадающаго, или составляющаго русло самаго Амура *съ правой его стороны*. Но Китайцы вѣроятно постигли это и потому не пошли далѣе сего пункта съ опредѣленіемъ границы въ натурѣ, а сказали, что грань эта идетъ къ морю, предоставляя себѣ рѣшить это въ послѣдствіи, какъ имъ заблагоразсудится. Сколько потомъ не было съ нашей стороны предположеній о возвращеніи Амура, какъ древняго своего достоянія, сколько не думали объ этомъ и не предпринимали всѣ бывшіе въ Восточной Сибири главные начальники, — дѣло всё таки не подвигалось. Причина этой нерѣшительности заключалась главное въ боязни, чтобы не оскорбить Китайское правительство, а потомъ уже въ собственныхъ нашихъ инструкціяхъ. Боязнь эта укоренилась въ насъ не потому, чтобы мы видѣли какую либо острастку со стороны Китая, а такъ — по одному только преданію встрѣчал, впрочемъ, при свошеніяхъ нашихъ, всегда недоступность и какое-то грозное упорство Пекинскаго двора. На границѣ же собственно противъ насъ ничего грознаго не было и Китайцамъ не пужно было выдумывать и ставить разныхъ страшилищъ, какъ они дѣлали даже въ послѣднее время при проходѣ въ ихъ предѣлы Европейцевъ; пѣтъ, для насъ этого было не нужно, — мы и такъ ихъ боялись. Эта-то боязнь и безсильное, правда, наше въ здѣшнемъ краѣ, положеніе создали и укрѣпили такія убѣжденія, что мы не можемъ и *не должны* ничего предпринимать противъ Китая. Такія убѣжденія дожили до насъ и едва ли теперь не существуютъ; напримѣръ: давно-ли (лѣтъ какихъ нибудь 25) въ Кяхтѣ, гдѣ установились вѣковыя непосредственныя коммерческія сношенія наши съ Китаемъ — мы не только не рѣшались говорить что нибудь предосудительное о Пекинскомъ Трибуналѣ, но остерегались осуждать дѣйствія даже мѣстнаго Дзаргучея, опасаясь, чтобы не замѣтилъ этого Петръ Андреевичъ, уважаемый и столько лѣтъ оберегавшій наши интересы, пограничный начальникъ Пѣтуховъ; а его убѣж-

денія происходили, какъ оказалось послѣ, не отъ личной его осторожности, нѣтъ, онъ имѣлъ другія къ этому основанія, какъ показываетъ нѣкоторымъ образомъ другой примѣръ. Это было недавно, въ 50-хъ годахъ, когда Амуръ былъ уже нами занятъ, — тогда лично мнѣ говорили въ С.-Петербургѣ дѣловыя, а въ послѣдствіи вліятельныя лица, что если мы и должны теперь поддерживать присоединеніе Амура, то въ силу *совершившагося уже факта*, но за то обязаны будемъ во всемъ другомъ *уступать и уступать* Китаю. Послѣ сего не мудрено, что мы въ теченіи 2-хъ столѣтій ничего въ отношеніи Китая, и даже по восстановленіи своихъ правъ, не сдѣлали. Да и не рѣшились бы сдѣлать, если бы судьба не послала въ нашъ край такого энергическаго и дѣятельнаго начальника, какимъ оказался и увѣковѣчилъ себя Николай Николаевичъ Муравьевъ, такъ справедливо заслужившій названіе графа Амурскаго.

Нѣтъ данныхъ, нѣтъ и возможности описать съ должною подробностію всѣхъ заботъ и распоряженій, предшествовавшихъ занятію Амура, въ особенности указать: на *какихъ основаніяхъ* и съ *какими средствами* совершилось это занятіе; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ нужно довольствоваться одними результатами и то наглядно. Послѣ обозрѣнія устья Амура эскадрой Невельскаго, начались славны по Амуру, а въ слѣдъ за сямъ, или вмѣстѣ съ сямъ, и самое заселеніе. *Вотъ чѣмъ*, какъ видно, *выразился* и *весь фактъ занятія* или присоединенія *Амура*. Если же всё это совершилось безъ всякаго сношенія и согласія Китайскаго правительства, то этого, какъ оказалось послѣ, и дѣлать было не нужно; ибо Амуръ и прилегающій къ нему край размежеванъ не былъ; лѣвый берегъ и устье Усуры принадлежали намъ фактически, будучи заняты Русскими людьми и оставлены, — но не переданы Китаю; не говоря еще о томъ, что нами былъ занятъ и укрѣпленъ правый берегъ Аргуни, какъ крайній къ Китаю притокъ Амура. Конечно, въ Пекинѣ назвали занятіе Амура произвольнымъ, но на это не посмотрѣли, тѣмъ болѣе, что Китай и его пресловутое правительство въ послѣднее дѣсятилѣтіе наконецъ разгадали, узнали его деспотическую недоступность, его безотчетное упорство и наконецъ его недобросовѣстность; съ которымъ никакой договоръ не могъ считаться священнымъ, пока не заставляли выполнить его силою; — какъ все это выразилось въ дѣлахъ съ Европейцами въ Кантонѣ, при устьѣ Пейхо и другихъ случаяхъ. Если такія вещи совер-

вершались при столкновении съ націями, имѣвшими громадныя средства и полную возможность располагать ими съ моря; то чего же можно было ожидать въ такой глуши съ такими сосѣдями, которые двѣсти лѣтъ только уступали Китаю и у которыхъ по всей границѣ не нашлось бы тогда и 1000 человекъ казаковъ, годныхъ для военнаго дѣла. Слѣдовательно, первая и главнѣйшая заслуга заключается въ *рѣшительности* и знаніи дѣла, съ какимъ состоялось занятіе Амура. Второй же не менѣе важной заслугой является *поспѣшность въ занятіи* сначала Амура, потомъ Усурійскаго края съ озеромъ Ханкаемъ и наконецъ южныхъ портовъ Восточнаго Океана до Корен. Правда, что вся трудность заключалась именно только въ занятіи такой невѣдомой и безлюдной страны и на такомъ протяженіи, какъ напримѣръ по Амуру 2600 верстъ, по Усурѣ, Сунгачѣ съ озеромъ Ханкаемъ и къ Суйфуу до Владивостока на 900 верстъ; занять въ то же время вновь открытые порты особенно Пасеѣтъ, какъ крайній пунктъ къ Манджуріи и наконецъ выстроить Николаевскъ съ укрѣпленіями, чтобы оградить себя не отъ одного Китая и отъ Англо-Францовъ, дѣлавшихъ въ то время натиски къ устью Амура. Да! чтобы всё это выполнить при тогдашнихъ средствахъ Восточной Сибири, создать для сего сначала войско, хотя и не совсѣмъ строевое, каково наше казачество, двинуть всѣ баталіоны, которые были расположены въ Восточной и Западной Сибири, а по недостатку ихъ большую часть казаковъ съ ихъ семействами, разставить и расселить ихъ на избранныхъ мѣстахъ и выполнить это въ одно или два лѣта; то для этого нужно было и не мало заботъ, терпѣнія, предусмотрительности и, можно сказать, отчаянной энергіи. А сдѣлать-то это было нужно безъ малѣйшаго промедленія, пока край этотъ былъ еще въ первобытномъ или вѣрнѣе сказать въ забытомъ состояніи, пока Китай объ немъ зналъ столько же сколько и Россія; гдѣ какъ въ странѣ неразжеванпой не было никакой администраціи и никакого осѣдлаго населенія, кромѣ Айгуна. Пропусти только благоприятное для сего время, или стань спрашивать, или испрашивать согласія Китайскаго правительства, то ничего бы отъ него не добился, а вызвалъ бы только всевозможное препятствіе, а можетъ быть и серьезную войну, пожалуй, тогда еще съ помощію Европейцевъ. И то, несмотря на всю неподвижность Китая и отдаленность края, непріязненные дѣйствія со стороны

Китай обнаружился въ двухъ случаяхъ: первый на озерѣ Ханкай, гдѣ явились къ нашему посту, что на Турьемъ рогѣ, Манджурскіе чиновники съ отрядомъ въ 200 человекъ и потребовали отъ нашего офицера, имѣвшаго впрочемъ съ собою не болѣе 6 солдатъ, — очищенія этого поста, и тотъ исполнилъ это требованіе, и разумѣется полатился отвѣтственностію за оставленіе военнаго поста. Потомъ послали другаго офицера, — тотъ не дошелъ до мѣста 40 верстъ, остановился въ зимовѣ, по болѣзни; а послалъ впередъ сопровождавшихъ его унтеръ-офицера и 10 человекъ солдатъ, которые и заняли тотъ постъ. Но на нихъ также сдѣлали наѣздъ Манджуры и съ большей уже дерзостью потребовали очищенія поста, грозя поджечь его вмѣстѣ съ караульными; тѣ, видя, что мирнымъ путемъ тутъ ничего не сдѣлаешь, вышли изъ поста въ полной походной амуниціи, встали врядь, ружья на перевѣсь и объявили, что если ихъ не оставятъ въ покоѣ, то они начнутъ стрѣлять сначала по начальникамъ, а остальныхъ перекольятъ штыками. Какъ только Манджуры убѣдились, что съ ними не шутятъ и ихъ не боятся; то тотъ разъ же пошли на переговоры и кончили тѣмъ, что назначили 40 дневной срокъ, для полученія отвѣта изъ Хабаровки и ушли; послѣ того прошло 40, потомъ и 400 дней, а манджуры за отвѣтомъ не явились, вѣроятно помѣшали этому мирные переговоры и заключеніе трактатовъ. Другой случай былъ въ Пасьетѣ, гдѣ въ виду нашего поста, на другой сторонѣ залива расположилась цѣлая армія отъ 3-хъ до 5-т. человекъ Манджуръ; стояли всю зиму, угрожая нашему посту, гдѣ сидѣлъ тогда благороднѣйшій Иванъ Францевичъ Черкасскій съ 60-ю кажется солдатиками и 2-мя пушками, и отсидѣлся. Какъ только наступила весна и показалось первое Русское военное судно и Манджуры увидѣли отверстія въ бортахъ и серьезныя въ нихъ украшенія, тотчасъ же и очистили берегъ; а когда пришла вся эскадра и сдѣлаю было практическое ученіе съ пальбою, то Манджурскаго войска какъ будто не бывало и теперь объ немъ помнятъ только одни окрестные Китайцы, которыхъ тогда Манджуры почти всѣхъ раззорили.

За тѣмъ, кажется болѣе со стороны Китая никакого фактическаго протеста, противу занятія нами Амурскаго края, не было; если же что то подобное собиралось около Айгуна, то

всё это предупреждено и прекратилось въ слѣдствіе начавшихся переговоровъ.

Первые переговоры, относительно Амура, были ведены въ Айгунѣ, гдѣ Манчжурскія власти положительно сознались въ непринадлежности имъ края и выказали совершенное объ немъ невѣденіе; а потому уступилъ его и, хотя съ большимъ трудомъ, заключилъ объ этомъ трактатъ. Но Пекинскій Трибуналь, по его похвальной привычкѣ, сталъ было не признавать этой уступки, несмотря и на Тяндзинскій договоръ, гдѣ объ Айгунскомъ говоритъ какъ объ отдѣльномъ условіи; — наконецъ присоединеніе Амура къ Россіи окончательно подтверждено трактатомъ, заключеннымъ Николаемъ Павловичемъ Игнатьевымъ, въ Пекинѣ.

Такимъ образомъ, пріобрѣтеніемъ Амурскаго края, Россія обязана исключительно энергической дѣятельности графа Амурскаго, его рѣшительности, а главное — быстрому занятію и послѣдственному заселенію сего края, который потомъ, при благо-разумныхъ дипломатическихъ настояніяхъ, веденныхъ въ благо-пріятное для сего, особенно въ Пекинѣ, время, положительно пріобрѣтенъ и не стоить намъ ни одной капли крови, кромѣ матеріальныхъ потерь, понесенныхъ при быстромъ занятіи и послѣднемъ его заселеніи.

III.

ЗАСЕЛЕНІЕ АМУРСКАГО КРАЯ.

О заселеніи Амура весьма пространно говорилъ въ своихъ запискахъ С. В. Максимовъ; онъ, чтобы доказать невыгоду отъ принужденнаго заселенія Амура, привелъ въ основаніе всё бывшій въ Россіи переселенія или передвиженія народовъ, — предпринимаемыя въ разные времена по видамъ и предположеніямъ правительства. Изъ всёхъ сказаній С. В. не трудно заключить, что всякое *принужденное* переселеніе считается бесполезнымъ какъ для переселенцевъ, такъ и для края, указывая при этомъ на переселеніе *свободное* въ Америкѣ и другихъ частяхъ свѣта, какъ приносящее несомнѣнную выгоду и людямъ и мѣсту. Все это хорошо, да не вездѣ одинаково выполнимо. А какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины и есть причины, которыя вызываются крайнею необходимостію; то и вопросъ о переселеніи, а особенно о заселеніи вновь пріобрѣтеннаго края, прежде

всего, слѣдуетъ разсматривать съ точки насущной въ томъ потребности. При томъ же, Амурскій край, кромѣ крайней необходимости въ быстромъ, а въ слѣдствіе чего и принужденномъ заселеніи, представляетъ нѣкоторымъ образомъ обезпеченіе въ пользу переселенцевъ, по климатическимъ въ этомъ краѣ условіямъ, которыя конечно имѣютъ большое преимущество противъ такихъ же условій всей Восточной и Западной Сибири. Слѣдовательно, заселеніе Амура ни почему нельзя сравнить съ заселеніемъ Аянскаго или подобнаго ему сѣвернаго края, гдѣ зима бываетъ продолжительнѣе лѣта и хлѣбъ тамъ часто не успѣетъ созрѣть, какъ наступаетъ осень съ холодами и заморозами; но на Амурѣ ничего подобнаго вы не встрѣтите.

Какъ бы то ни было, но Амуръ заселить было нужно и онъ заселился. Сначала принужденно, чрезъ жеребій, данный казакамъ, расположеннымъ въ Нерчинскомъ краѣ; прежде всего пошли конные казаки, составлявшіе доселѣ пограничную линію этого края, потомъ пѣшіе казаки, переименованные въ это словіе изъ подзаводскихъ крестьянъ. Вслѣдъ за тѣмъ пошли на Амуръ крестьяне изъ разныхъ губерній вызванные за большія отъ казны вознагражденія; затѣмъ послѣдовало переселеніе штрафныхъ солдатъ, выбывшихъ изъ всѣхъ полковъ и командъ, переименованныхъ тоже въ казаки; наконецъ двинулось на Амуръ и вольное поселеніе большею частію хлѣбопашцевъ изъ отдаленныхъ, скудныхъ землею губерній, безъ всякаго или ничтожнаго отъ казны пособія. Это-то переселеніе продолжается и увеличивается постепенно и вѣроятно будетъ увеличиваться, когда въ Россіи узнаютъ Амурскій край по короче, а мѣсть и удобій тамъ довольно.

Конечно, никто не будетъ спорить, чтобы не было ошибокъ и затрудненій при такой поспѣшности и принужденномъ заселеніи Амура; гдѣ сначала не было даже никакихъ средствъ къ сообщенію, кромѣ одновременнаго въ году сплава на плотахъ, или пармахъ и баржахъ, а при этомъ, нечего грѣха таить, были и безтолковыя распоряженія со стороны распоряжавшихся и исполнявшихъ это дѣло. Все что писали объ этомъ гг. Завалишинъ, Максимовъ и другіе, — все это почти правда, если у однихъ отнять желчное направленіе, а у другихъ убавить немного позіи и желанія сравнивать это дѣло съ подобными же предпріятіями, выполняемыми въ другихъ мѣстахъ и при дру-

гихъ, разумѣется, условіяхъ. Нельзя, конечно, пройти молчаніемъ о такихъ случаяхъ, которыя оставили на Амурѣ грустное воспоминаніе, какъ напримѣръ: первые сплавы по Амуру и непонятное, зачѣмъ, возвращеніе въ томъ же лѣтѣ баталіоновъ въ Забайкальскій край. Все дѣло, какъ видно, заключалось въ маршрутѣ, составленномъ, можетъ быть, даже и на основаніи опытовъ, но не предусмотрѣли, а можетъ быть вовсе не предвидѣли тѣхъ неудачъ, которыя могли случиться и случились, и во время сплава, и во время возвращенія людей на лодкахъ, отчего произошла большая просрочка съ тяжкими послѣдствіями: по неизбѣжности тогда ни заселеній, ни запасовъ по Амуру. Потомъ поспѣшность, съ которою нужно было запясть и заселить Усурійскій край, заставила измѣнить самую программу сплава въ среднѣ ея исполненія: всѣмъ казакамъ, которымъ слѣдовало по жеребью отправиться въ томъ году на Амуръ, приказано было двинуться со всѣмъ своимъ скарбомъ къ берегамъ Шилки и Аргуни, гдѣ были приготовлены плоты, паромы и баржи и сѣно для продовольствія скота; но какъ только вся эта масса собралась, то ни плотовъ, ни паромовъ, ни баржъ и на половину груза не доставало, а потому и взяли только людей и что нибудь изъ крайне необходимаго; а въ торопяхъ, разумѣется попалось то, что можно было и не брать; остальное же имущество, большую часть скота и сѣно бросили на берегу, — и погнали эту флотилію, что называется, въ хвостъ и въ голову. Все, что осталось на берегу, собрали, какъ говорятъ родственники, провожавшіе Амурцевъ; хлѣбъ же большею частію поступилъ въ казну въ видѣ займа, но кажется многимъ не возвращенъ и по настоящее время; по крайней мѣрѣ, знакомый мнѣ на Усурѣ старикъ Деревцовъ все еще не получалъ обратно взятыхъ у него 170 пуд. хлѣба. Но все это ничего въ сравненіи съ тѣми тяжкими послѣдствіями, которыя произошли отъ поспѣшности и неудовлетворительнаго снабженія первыми потребностями сплава. Не говоря о недостаткѣ продовольствія въ пути и невозможности накормить скотъ по разливу рѣкъ и необычайной торопливости, по сплавъ пришелъ на мѣсто, а хлѣба нѣтъ; баржи отстали и засѣли на меляхъ. Вотъ и первая голодовка, а такихъ голодовокъ, случившихся отъ неопытности распорядителей, на Амурѣ, а особенно на Усурѣ, было не мало. Описывать эти голодовки довольно трудно; надо послушать объ этомъ рассказы казаковъ и казачекъ. Они и те-